

Еще об искусстве и гр. Толстом

Н. К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания.

Серия "История эстетики в памятниках и документах"

М., "Искусство", 1995

Scan [ImWerden](#)

[OCR Бычков М. Н.](#)

В прошлый раз я выразил удивление, что гр. Толстой, говоря о различии вкусов и понятий о красоте, не прибег к своему обычному приему quasi-математического подсчета: дескать, приняв в соображение все полуторамиллиардное население земного шара, надо признать, что мы, так называемые образованные люди, ничтожная горсть, составляющая такую-то долю всего человечества, не имеем права считать свои вкусы и понятия о красоте единственно верными. Я поторопился удивляться. В только что появившемся окончании статьи гр. Толстого ("Вопросы философии и психологии") мы находим этот прием. Гр. Толстой пишет:

"Мы так привыкли наивно считать не только кавказскую породу самой лучшей породой людей, но и англо-саксонскую расу, если мы англичане или американцы, и германскую, если мы немцы, и славянскую, если мы русские, что мы, говоря о нашем искусстве, вполне убеждены, что наше искусство есть не только истинное, но и лучшее и единственное искусство. Но ведь наше искусство не только не есть единственное искусство, но даже не есть искусство всего христианского человечества, а только искусство очень малого отдела этой части человечества. Можно было говорить о народном -- еврейском, греческом, египетском, и теперь можно говорить о китайском, японском, индийском искусстве, общем всему народу. Такое общее всему народу искусство было в России до Петра и было в европейских обществах до XIII, XIV веков; но с тех пор, как люди высших классов европейского общества, потеряв веру в церковное учение, не приняли истинного христианства и остались без всякой веры, нельзя уже говорить об искусстве высших классов христианских народов, подразумевая под этим все искусство. С тех пор, как высшие сословия христианских народов потеряли веру в церковное христианство, искусство высших классов отделилось от искусства всего народа, и стало два искусства: искусство народное и искусство господское. И потому ответ на вопрос о том, каким образом могло случиться то, чтобы человечество прожило известный период времени без настоящего искусства, заменяя его искусством, служащим одному наслаждению, состоит в том, что прожило без истинного искусства не все человечество и даже не значительная часть его, а только высшие классы христианского европейского общества, и то очень сравнительно короткий период времени: от начала Возрождения и Реформации до последнего времени... Не только две трети человеческого рода, все народы Азии, Африки живут и умирают, не зная этого единственного высшего искусства, но, мало этого, в нашем христианском обществе едва ли одна сотая всех людей пользуется тем искусством, которое мы называем всем искусством; остальные же 0,99 наших же европейских народов поколениями живут и умирают в напряженной работе, никогда не вкусив этого искусства, которое притом таково, что если бы они и могли воспользоваться им, то ничего не поняли бы из него" (стр. 17--19).

Вложенную в эту цитату мысль гр. Толстой еще не раз повторяет, развивает, иллюстрирует примерами, а в заключении статьи он сообщает, что уже пятнадцать лет, "не переставая, думал об этом предмете", то есть об искусстве. Из этого следует заключить, что каждая строка этого нового произведения нашего великого художника, каждое отдельное положение, каждый иллюстрирующий пример наилучше обставлены, как в фактическом, так и в логическом отношении. К сожалению, это далеко не так в действительности. Начать хоть бы с этих "двух третей человеческого рода" или 0,99 европейцев. Что они доказывают? Что они могут доказать в данном случае? Две трети человеческого рода, все народы Азии, Африки живут и умирают нехристианами, часто не имея ни малейшего понятия о христианстве или же относясь к нему враждебно; это не мешает, однако, гр. Толстому быть искренно верующим христианином, а ведь и среди европейцев найдется немало людей, понимающих христианство не так, как понимает его гр. Толстой. В деле мнений ссылки на большое или малое количество согласно или несогласно мыслящих ровно ничего не доказывает, и даже один человек вправе считать себя